



## Мои воспоминанія и размышленія <sup>1)</sup>.

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

### III.

Средства семьи. Возвращеніе брата Дмитрія изъ полка въ Москву.— П. М. Леонтьевъ. П. Н. Кудрявцевъ.—Занятія исторіей и философіей.— Закрытіе Московскаго дворянскаго института.—Гр. Уваровъ въ Московскомъ университетѣ.—В. П. Шелашниковъ. А. П. Базилевскій. Н. Д. Свербеевъ.—Кандидатское сочиненіе о Макиавелли.—Окончаніе университетскаго курса первымъ кандидатомъ.—Общее заключеніе о студенческихъ годахъ. П. С. Нахимовъ.—Гр. С. Г. Строгановъ.—Убійство профессора Линовскаго.

**С**огласно съ волею папаша все должно было быть подѣлено между нами поровну; но я отъ своей доли серебра и движимаго имущества отказался въ пользу сестеръ, а изъ капитала 15.000 р. сер. себя считалъ собственникомъ только 2.000 р. сер., а остальные предоставилъ поровну братьямъ и сестрамъ, при чемъ съ общаго согласія весь этотъ небольшой капиталъ оставался въ пользованіи частью кн. Аделаиды Петровны Оболенской, но большею частью Н. А. Мельгуновой, охотно платившихъ за нихъ по 10<sup>0</sup>/<sub>100</sub>; Наталью Алексѣевну я избралъ за смертью папаша своею попечительницей. Жизнь въ то время сравнительно была очень дешева, и на 1.500 р. сер. годового дохода, при своей, вполне честной, преданной и умѣлой прислугѣ, можно было жить безбѣдно, особенно давая еще уроки, и даже довольно значительныя суммы удѣлить братьямъ. Впрочемъ, 16 марта 1849 года вернулся изъ полка вышедшій въ отставку юнкеромъ братъ Дмитрій, и я тот-

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, февраль 1916 г.

часть же съ радостью сдалъ ему на руки хозяйство, дѣла и наличныя деньги. Полковая жизнь была рѣшительно не по немъ и особенно при томъ, что старшій братъ Василій все болѣе и болѣе становился записнымъ кутилой: какія усилія Митя ни употреблялъ, чтобы воздержать его, все было напрасно, и онъ рѣшился выйти въ отставку, не дослужившись даже до офицерскаго чина, и возвратился восвояси. Здѣсь онъ тотчасъ же поступилъ на службу въ канцелярію генераль-губернатора, получилъ первый классный чинъ (полковая служба была ему зачтена), и благодаря своей безукоризненной грамотности, умѣнью писать и вообще своей дѣльности, вскорѣ началъ получать небольшое жалованье, бывалъ въ свѣтѣ и въ нѣкоторыхъ семействахъ пользовался успѣхомъ, какъ хорошій танцоръ, пріятный и веселый собесѣдникъ, выучившійся притомъ подъ главнымъ руководствомъ А. И. Дюбюка и при ближайшемъ обученіи Бабкова хорошо играть на фортепіано и умѣвшій хорошо пѣть и исполнять романсы. Въ нашу домашнюю жизнь онъ внесъ большое оживленіе, и мы жили съ нимъ душа въ душу. Старшій братъ, произведенный уже въ офицеры, лишь изрѣдка заѣзжалъ къ намъ въ Москву и также велъ свѣтскую жизнь, держалъ лихача-извозчика и велъ образъ жизни, котораго мы далеко не могли одобрить, много выше своихъ средствъ, рассчитывая на женитьбу, но при этомъ и кутилъ много и очень много пилъ; отклонить его отъ пагубнаго пути, которымъ онъ шелъ, не удалось и мнѣ, при всѣхъ моихъ усиліяхъ.

Болѣзнь папан и семейныя дѣла поглотили у меня не мало времени. Тѣмъ не менѣе на первомъ планѣ у меня все-таки были научныя университетскія занятія. Еще во вторую половину 1847 года нашъ факультетъ очень оживился появленіемъ на его кафедрахъ двухъ новыхъ замѣчательныхъ, только-что возвратившихся изъ-за границы профессоровъ: Павла Михайловича *Леонтьева* и Петра Николаевича *Кудрявцева*. Вступительная лекція П. М. Леонтьева была посвящена вопросу о значеніи классической филологіи и краткому обзорѣ ея успѣховъ, начиная съ возрожденія наукъ и до послѣдняго времени. Изъ этой лекціи мы вынесли впечатлѣніе, что въ лицѣ П. М. Леонтьева мы приобрѣли чрезвычайно свѣдущаго, дѣльнаго и основательнаго преподавателя; мы же съ своей стороны произвели на нашего новаго профессора, повидимому, не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе: въ началѣ ближайшей же своей лекціи онъ заявилъ намъ въ довольно рѣзкой формѣ, что былъ крайне изумленъ и огорченъ тѣмъ, что первую его лекцію мы только слу-

шали и никто изъ насъ ея не записывалъ, а незаписанную лекцію онъ считаетъ потерянною: *Verba volant, scripta manent*, и потому онъ надѣется, что всѣ мы будемъ его лекціи не только слушать, но и записывать, а затѣмъ, считываясь между собою, пополнять и исправлять наши записи; такимъ образомъ мы будемъ имѣть къ концу учебнаго года готовое руководство по тому или другому предмету и притомъ, что еще важнѣе, научимся слушать съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, постоянно различая существенно важное и излагая лишь существенное содержаніе прослушаннаго. Наставленіе это не пропало для насъ даромъ, хотя, правду сказать, оно было въ то время почти излишнимъ, потому что тогдашніе студенты почти всѣ записывали за профессорами и пополняли и исправляли свои записи, на вступительныя же лекціи мы смотрѣли какъ на публичныя, потому что на нихъ собирались какъ профессора, такъ и студенты всѣхъ факультетовъ, такъ что не легко было найти и довольно мѣста въ аудиторіи для записыванія, и эти лекціи не входили обыкновенно въ составъ курса, который имѣлъ въ виду начинающій профессоръ.

Въ данномъ случаѣ эта вступительная лекція была началомъ курса, который предложилъ намъ прежде всего прочесть П. М. Леонтьевъ—энциклопедіи, методологіи и краткой исторіи классической филологіи. Вслѣдъ за сдѣланнымъ намъ замѣчаніемъ Павелъ Михайловичъ объявилъ намъ, что желаетъ поближе съ каждымъ изъ насъ ознакомиться, и потому предлагаетъ намъ не позднѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, представить ему на латинскомъ языкѣ собственное cadaго изъ насъ жизнеописаніе, *curriculum vitae*, какъ это называлось въ средніе вѣка, или просто *vitam*, какъ это правильнѣе называется теперь. Возвратясь домой, я тотчасъ же засѣлъ за это латинское сочиненіе и очень подробно рассказалъ свою жизнь, особенно въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, въ которомъ и самъ Павелъ Михайловичъ учился и гдѣ имя его было записано на золотой доскѣ. Павелъ Михайловичъ нашелъ мое сочиненіе очень живымъ и интереснымъ и особенно удивлялся, что оно было написано такимъ правильнымъ и хорошимъ латинскимъ языкомъ, тогда какъ насъ въ институтѣ совсѣмъ не упражняли въ письменныхъ и очень мало въ устныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Благодаря этому сочиненію моему Павелъ Михайловичъ пожелалъ лично познакомиться со мною и пригласилъ меня къ себѣ въ тотъ же день послѣ лекцій. Я воспользовался этимъ приглашеніемъ и потомъ довольно часто бы-



валъ у него, пользуясь его обширною и прекрасною библіотекою и все болѣе дивясь его чрезвычайно обширной и многосторонней учености, точности и отчетливости всѣхъ его познаній, тому качеству, которое лучше всего обозначается греческимъ словомъ ἀκρίβεια. Послѣ довольно рѣзкихъ замѣчаній въ началѣ 2-ой лекціи П. М. Леонтьевъ показался намъ очень сердитымъ и взыскательнымъ. Теперь, когда я ближе познакомился съ нимъ, я увидалъ, что трудно было быть проще, внимательнѣе и привѣтливѣе его со студентами. Онъ жилъ на Кислоvkѣ въ одной квартирѣ съ С. Д. Шестаковымъ, занимая большую ея половину. Въ скоромъ времени я сталъ съ нимъ встрѣчаться и у Е. А. Карльгофъ, которая возвратилась изъ-за границы во второй половинѣ 1848 г., вышла замужъ за профессора астрономіи Александра Николаевича Драшусова и поселилась въ домѣ при университетской обсерваторіи за Прѣсенскими прудами, гдѣ у нихъ собирался уже болѣе тѣсный кругъ знакомыхъ, также по субботамъ, но къ обѣду.

Кромѣ упомянутаго выше курса энциклопедіи и методологіи классической филологіи, въ высшей степени для насъ полезнаго, я выслушалъ еще у П. М. Леонтьева: курсы—1) художественной миѳологіи, археологіи и исторіи классическаго искусства; 2) римскихъ государственныхъ древностей, и 3) получилъ отъ него написанныя имъ самимъ и читанныя имъ въ 1850—51 учебномъ году лекціи подъ заглавіемъ „Историческое обозрѣніе языческихъ религій древняго Востока, Греціи и Рима“. Особого цѣльнаго курса исторіи римской литературы онъ не читалъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, но чтенію и толкованію авторовъ онъ предпосылалъ довольно обстоятельный очеркъ исторіи того рода литературы, къ которому относилось избранное произведеніе автора. Интерпретацію авторовъ и это историко-литературное обозрѣніе онъ предлагалъ намъ на очень хорошемъ и даже изящномъ латинскомъ языкѣ, часто повторяя то правило, что говорить или писать по-латыни значитъ изящно говорить или писать. Я выслушалъ его интерпретаціи и его историко-литературные очерки по тѣмъ родамъ литературы, въ которыхъ римляне были наиболѣе оригинальны, а именно о римскихъ сатирахъ (читались сатиры Горація) и элегіяхъ (читались элегіи Катуллы), и сверхъ того читалось Тацитово жизнеописаніе Агриколы съ краткимъ очеркомъ римской исторіографіи. Если кто могъ возбудить любовь къ классической древности и рвеніе къ ея изученію, то это именно П. М. Леонтьевъ, какъ глубоко знающій, умѣлый и живой преподаватель. Самый

курсъ энциклопедіи классической филологіи раскрывалъ предъ нами всю важность и значеніе изученія классической древности, знакомилъ со всѣми сторонами этого великаго дѣла въ ихъ взаимномъ соотношеніи и со всѣми методическими приѣмами этого изученія. Курсъ художественной миѳологіи, археологіи и исторіи древняго классическаго искусства какъ нельзя болѣе могъ содѣйствовать нашему эстетическому образованію и вводилъ насъ въ кругъ пластическихъ художествъ, разъясняя намъ основныя данныя по этой части, равно какъ и наилучшія изъ пластическихъ произведеній классической древности. Подъ вліяніемъ этихъ лекцій П. М. Леонтьева изъ числа моихъ товарищей Валентинъ Петровичъ Шелашниковъ началъ запасаться дорого стоящими изданіями, посвященными пластическимъ произведеніямъ классической древности, музеямъ, а затѣмъ и картиннымъ галереямъ,—изданіями, которыя всегда были къ услугамъ его товарищей: А. П. Базилевскій сталъ коллекціонеромъ монетъ, а потомъ и вообще всякаго рода рѣдкостей; Г. Д. Филимоновъ посвятилъ себя изученію русскихъ художествъ, особенно же иконописанія, да и всѣ мы были въ состояніи болѣе или менѣе сознательно относиться къ произведеніямъ образовательныхъ художествъ. Когда мнѣ впоследствии пришлось довольно близко познакомиться въ гостепріимномъ домѣ Корнильевыхъ съ нѣкоторыми профессорами Московскаго училища живописи, зодчества и ваянія, особенно же съ Н. А. Рамазановымъ, то у меня былъ уже значительный запасъ и свѣдѣній, и любознательности для плодотворной бесѣды съ ними по ихъ спеціальности и для такового же осмотра всего того, что было въ ихъ мастерскихъ и вообще въ ихъ училищѣ. При случаѣ П. М. Леонтьевъ знакомилъ насъ съ наиболѣе важными данными изъ области нумизматики, и когда для предписаннаго сенатомъ приведенія въ извѣстность всего имущества графа Мамонова на П. М. Леонтьева была возложена оцѣнка его богатѣйшей коллекціи древнихъ монетъ и медалей, хранившихся въ его подмосковномъ имѣніи Дубровицахъ, то Павелъ Михайловичъ пригласилъ меня къ себѣ на помощь, и мы съ нимъ провели тамъ дня 3—4 въ неустанной работѣ по опредѣленію древнихъ монетъ и ихъ оцѣнкѣ по Эккелю и Миопет, усердно угощаемые завтраками, обѣдами и ужинами съ роскошными винами и даже шампанскимъ со стороны управляющаго имѣніемъ, котораго никакъ не могъ уговорить въ этомъ отношеніи всегда въ высшей степени умѣренный Павелъ Михайловичъ, и который этимъ надѣялся

насъ задобрить и склонить къ сокрытію значительнаго расхищенія, постигшаго эту коллекцію, въ чемъ онъ, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Замѣчу мимоходомъ, что Павелъ Михайловичъ вообще не былъ очень разговорчивъ и словоохотливъ и любилъ болѣе слушать и выспрашивать другихъ, чѣмъ самъ говорить; но въ дорогѣ онъ былъ особенно молчаливъ, что я испытывалъ на пути въ оба конца и туда и оттуда.

Курсъ римскихъ государственныхъ древностей былъ особенно для насъ поучителенъ тѣмъ, что наиболѣе важныя изъ учрежденій, постановленій и вообще явленій и данныхъ римской государственной жизни онъ оцѣнивалъ обыкновенно съ точки зрѣнія политическихъ ученій Аристотеля, Цицерона, Макиавелли и Монтескьё, и такимъ образомъ, знакомясь съ римскими государственнымъ древностями, мы въ то же время знакомились съ политическими ученіями великихъ умовъ и проходили при томъ нагляднымъ образомъ курсъ политики или общаго государственнаго права. Такое преподаваніе дѣйствовало на насъ развивающимъ и оживляющимъ образомъ.

**А. Георгіевскій.**

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

